

М. М. Кондратенко

(СПбГУ, Ярославль–С.-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В ГОВОРАХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)*

Одной из сложнейших проблем, возникающих при подготовке лингвистического атласа, является составление такого вопросника, который в оптимальной степени был бы пригоден для выявления языковых универсалий (или чаще — общих для ряда языков явлений), а также специфических черт того или иного языка (диалекта). Одно из важнейших направлений в современной ареальной лингвистике связано с анализом пространственных и хронологических параметров семантических явлений. Подобные исследования представляются важными и актуальными, поскольку изучение генетически разнородного языкового материала именно на семантическом уровне обладает преимуществами: в этом случае в известной степени снимаются проблемы, связанные с наличием или отсутствием лексической репрезентации той или иной клетки семантического (или понятийного) поля и статусом номинативной единицы (одна из таких проблем — возможность и целесообразность включения наряду с лексемами в корпус изучаемых единиц словосочетаний разной степени устойчивости, особенно свободных). Среди различных характеризующих язык (или диалект) семантических особенностей выделяются:

а) специфика языковой сегментации тех или иных фрагментов внеязыковой действительности, проявляющаяся в структуре семантических полей, точнее, в наличии, с одной стороны, семантем, не фиксируемых для других языков (диалектов), и, с другой, в отсутствии семантем, отмеченных вне данного языка (диалекта);

б) особенности семантической мотивации наименований одного и того же референта; здесь большой интерес вызывают **образы** предметов или процессов, основополагающие для формирования соответствующих понятий, **и ареалы их распространения** на изучаемой территории.

Изучение взаимодействия языков на семантическом уровне (называемого калькированием, межъязыковой изосемией и т. д.) необходимо для воссоздания по возможности полного представления об их типологической близости в настоящее время и в прошлом. В ходе подобных исследований

* Наряду с авторскими, в статье использованы материалы МДАБЯ, содержащиеся в рукописи «Балканский тематический словарь. Южнославянские языки». Под ред. А. Н. Соболева. Marburg, 2001. 105 S.

выявляются не только наиболее типичные для выбранного региона принципы номинации, но и целые мотивационные «темы», характерные для генетически сходных и различающихся языков. Примерами подобных тем могут быть «животная», «растительная», «национальная» и др., присущие как славянским, так и соседним неславянским языкам. Так, в нижнелужицком языке отмечены следующие наименования разновидностей снега: *burski sněg* 'жесткий, слежавшийся снег' и *knězski sněg* 'мягкий, пушистый снег', представляющие собой, с точки зрения семантической мотивации, достаточно необычное для славянских говоров явление. В обозначениях природных явлений подобная мотивация, кроме указанных выше случаев, нами не отмечена (хотя в наименованиях других реалий она может быть представлена: *крестьянская выгода* 'кустарник, неудобное для выпаса место, где крестьяне пасли свой скот' и *барская выгода* 'луга, леса, благоприятные для выпаса скота места' в говорах ярославского левобережья Волги). При исследовании немецкого диалектного материала, а именно немецких говоров Силезии, выяснилось, что здесь эта разновидность семантической мотивации представляет собой достаточно регулярное явление: *Burschnie* 'плотный, слежавшийся снег', *es schneit fier die Poare, es schneit Bauernjungen* 'падать крупными хлопьями (о снеге)', *Armeleuteschnee* 'легкий снегопад'. Таким образом, выявляется своеобразная «социальная» тематика в наименованиях снега и, очевидно, ее калькирование (что весьма примечательно, поскольку, по нашим наблюдениям, метеолексика калькируется не очень часто) в нижнелужицких говорах.

Основной целью настоящей статьи является попытка определить место некоторых болгарских обозначений природных явлений среди аналогичных небалканских славянских и выявить те виды семантической мотивации, которые характерны именно для болгарских (или в ряде случаев македонских) говоров. Возможно, их специфика связана с принадлежностью к языкам балканского языкового союза. Интерес представляют и те случаи использования сходного образа в болгарском и других славянских языках, которые найдут продолжение в других балканских языках, поскольку тем самым появятся новые факты, представляющие тем или иным образом роль болгарского языка как источника или посредника (проводника) семантического новообразования. Излагаемый материал имеет смысл распределить по следующим группам:

- случаи специфической сегментации аналогичных фрагментов общей картины природных явлений;
- случаи особой семантической мотивации наименований отдельных явлений.

1. Особенности структуры семантических полей болгарских говоров с точки зрения языковой сегментации природных явлений.

Только в говорах болгарского языка (в сравнении с другими славянскими) отмечены следующие семантемы:

в семантическом поле **‘дождь, осадки в виде капель воды’** — **‘дождь, наносящий вред растениям’**: *балсара* (с доп. семой — ‘винограду’), *мана* (с доп. семой — ‘фруктовым деревьям’);

в семантическом поле **‘снег, снежный покров’**: **‘снег, падающий в теплую погоду’** — *южаф сняг*, **‘иней, изморозь в мае’** — *гергьовска слана*;

в семантическом поле **‘ветер, перемещение воздушных масс’**: **‘вечерний ветер’** — *вечерник*, *вечерния вятър*; **‘ветер, не приносящий осадков’** — *полския вятър*, *сух вятър*, *сух мелтем*; **‘ветер, разясняющий небо’** — *яснец*; **‘летний ветер’** — *беля вятър*, *жътварския вятър* (в буковинских украинских говорах отмечено словосочетание *жнивний вітер* в значении ‘сухой, теплый ветер’), *летния вятър*.

В ряде случаев наблюдается одинаковая специфическая сегментация, охватывающая говоры двух славянских языков, включая болгарский, например, в болгарских и кашубских диалектах: **‘ветер с моря’** — *моряк*, *морянин* и *norda*, *švéda*; **‘утренний ветер’** — (*с*)*утренник*, *изгорок* (с дополнительной семой ‘южный’) и *rosovi v'ater* (с дополнительной семой ‘западный’); в болгарских и нижнелужицких: **‘ветер, предвещающий снег’** — *снегар* и *sněgowaty wětš*.

Несмотря на то, что выделение «эксклюзивных» семантем не всегда носит объективный характер (это может быть связано с особыми природными условиями местности или особенностями хозяйственной деятельности людей*, а также с личным мнением информатора), их необходимо учитывать, тем более что они периодически обнаруживаются и в материале других языков (диалектов), например, семантема ‘дождь, выпадающий перекрещивающимися потоками’, отмеченная в севернорусских говорах (*крестовой дождь*) с их разветвленной системой обозначения разновидностей дождей, обладает лексической манифестацией в сербском тимокском говоре — *ci ša na vetar, na oluju, na spriju*.

2. Случаи особой семантической мотивации наименований метеорологических явлений.

В обозначениях дождей выделяется болгарское название дождя в безветренную погоду — *кратък дъжд* при более распространенной характеристике этого вида осадков по акустическому признаку (*цихильский дождж* в белорусских или *šipot* в чешских говорах).

По особенностям семантической мотивации на общеславянском фоне в болгарских говорах в семантическом поле **‘снег, снежный покров’** выделяются обозначения весеннего снега: *мачешки сняг*, *щъркелов сняг* в

*Так, в славянских говорах Балканского полуострова составителями МДАБЯ не были отмечены семантемы ‘ветер, дующий с верховьев реки’, ‘ветер, дующий параллельно берегу’, ‘ветер в верхних слоях воздуха’, актуальные для севернорусских или северо-западных белорусских говоров.

юго-западных, балканских, мизийских или *щржков сняг* в переходных и северо-западных говорах Болгарии; *кукувичи сняг*, *лястовичи сняг* в балканских болгарских, *кукувичен сняг*, *лястовичен сняг* в балканских и юго-западных болгарских говорах (сходный, но не идентичный способ семантической мотивации (по названию птицы) наблюдается в гуцульских говорах — *стрижачий сніг*).

Народные обозначения различных видов снежных осадков и снежного покрова в болгарском языке вообще выделяются среди прочих славянских: 'снег, падающий большими хлопьями' — *щржков сняг*; 'первый снег' — *цигански сняг*, *белчо* (у поляков, например, используются совсем иные сравнения — *ptasi śnieg* и др.; в севернорусских говорах мотивация белым цветом используется при наименовании льда, покрытого снегом); 'нетронутая снежная поверхность' — *равнец* (в других славянских говорах в обозначении этой разновидности снежного покрова подчеркивается обычно «целостность, нетронутость» снега — *целец*, *сеlec* и т. п.).

Другую «специфически болгарскую» по своей внутренней форме группу обозначений составляют наименования сосулек: *висулки*, *изсушилед*, *кандилки*, *колета*, *пищове* (*пищовчета*), *суджук* и др. — в которых обозначаемая реалья характеризуется с точки зрения способа, времени проявления или сравнения с предметами, не связываемыми ассоциативно с сосульками носителями других славянских языков (обычно сосульки — это нечто ледяное, замерзшее: *ledenica*, *trazulci* — а также 'свечки', 'стрелки' и т. п.).

В семантическом поле '**ветер, перемещение воздушных масс**' своеобразно представлены следующие семантемы: 'сильный ветер' — *ламище*, *самовила*, *самодива*, *хала*, *халетина* (использование названий мифологических и демонических персонажей в славянских говорах более характерно для обозначения вихря, кругового движения ветра); 'западный ветер' — *магарешкия вятър*, *циганския вятър*, *ясник*; 'северо-западный ветер' — *бързец*, *свиняр*; 'юго-восточный ветер' — *дерибивола*, *козица*; 'юго-западный ветер' — *дерияре*; 'осенний ветер' — *острия вятър*; 'сухой, теплый ветер' — *черния вятър*, *черник*, *црниот ветар*; 'южный ветер' — *снегоед* (семантическая аналогия последнему наименованию — только за пределами славянской языковой территории, в немецких силезских говорах: *Schneefresse* 'таяние снега').

В наименованиях разновидностей облаков можно отметить семантическую мотивацию названий недождевых облаков — *празни облаци*, *високи*, *леки облаци*, *развлечени*, *разкъсани облаци*, т. е. «пустые, бесплодные» или «разодранные» облака (нечто подобное только в зап.-полес. укр. говорах — *ялові хмари*; обычно облака данной разновидности представлены как предвещающие хорошую погоду или по цвету).

В семантическом поле '**акустические явления природы**' выделяется обозначение раскатов грома — *шишове* (видимо, по аналогии с грохотом железных вертелов).

Некоторые болгарские обозначения подобного типа имеют параллели в небалканских славянских говорах: *агнешки сняг* 'последний снег' в мизийских болгарских и *ягнячий сніг* 'снег в апреле' в гуцульских или *ovča smerc*

‘снег с дождем’ в кашубских говорах. В других случаях образ, используемый в болгарских говорах для номинации одного явления, используется на иной славянской языковой территории для другого. Так, образ кошки (*мачешки сняг* ‘последний снег’ в юго-западных болгарских говорах) встречается в обозначениях, например, снега, падающего крупными хлопьями — *kosie pięście* в мазовецких говорах или *котяча погода* ‘мелкий, морозящий дождь’ в вольнских говорах Украины. Подобную картину можно обнаружить и в наименованиях других природных явлений. Только в болгарских говорах отмечены обозначения некоторых разновидностей дождя и ветра как ослиных: в рупских говорах — *магарешки дъжд* ‘дождь в солнечную погоду’, *магарешкия вятър* ‘западный ветер’. Иногда определенный образ в болгарских говорах представлен не так широко, как в небалканских славянских: например, образ быка, вола — *дерибивола* ‘восточный ветер’ в балканских болгарских и *боўкун* ‘туча’ в бойковских (из молдавского *боў* ‘бык’), *быки* ‘светлые, недождевые облака’ в ярославских говорах; образ собаки — *кучешки сняг* ‘грязный снег’ в болгарских и очень распространенная связь этого образа с ненастной погодой в других славянских говорах — *psova pogoda* в кашубских; *pogoda pod pset* в великопольских, малопольских и мазовецких; *psi čas* в словацких и т. д.

Таким образом, в исследуемых говорах на примере наименований природных явлений можно выделить некоторые специфические болгарские (возможно, балканские) мотивирующие образы животных: козы — *козодер* ‘восточный, сильный ветер’, *козица* в юго-западных болг. говорах; в известной степени образы овец и ягнят в обозначениях снега (у других славян подобные названия чаще «закреплены» за обозначениями разновидностей облаков), собаки в обозначениях снега (как правило, это животное упоминается в метеолексике в связи с дождливой или ненастной погодой, в том числе и за пределами славянской языковой территории — *vreme căinească* ‘отвратительная погода’, *frig căinesc* ‘собачий холод’ в румынском языке, *Hundekälte* ‘сильный мороз’ в нем. и др.).

Характерным именно для болгарских говоров в «животной» тематике является использование образа **осла**: *магарешкия вятър* ‘западный ветер’ (рупск.), *магарешкия дъжд* ‘теплый дождь в солнечную погоду’; а также **аиста**, **ласточки**, **кукушки**. Некоторые виды семантической мотивации, известные различным славянским языкам, отсутствуют в болгарской метеолексике, например, упоминание растений.

Таким образом, болгарская диалектная лексика на общеславянском фоне, действительно, часто представляет картину особого мировидения. Интерпретация специфических семантических явлений, свойственных болгарским говорам, в случае привлечения материала других языков Балканского полуострова может представлять интерес для изучения семантической структуры балканских языков (в том числе для различения случаев сходной словообразовательной мотивации и лексической нейтрализации) и использоваться, в частности, при создании семантического (тематического) словаря балканских языков.